

Борис Мызников

Р
А
Й
С.А.Д.
К
И
Й

Борис Мызников

Райский С.А.Д.

«Издательские решения»

Мызников Б.

Райский С.А.Д. / Б. Мызников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856260-0

Фантастический роман, любовь и дружба, компьютерный разум, необычная школа, странные города, все бы хорошо, но министерство обороны США против! Кто же победит?

ISBN 978-5-44-856260-0

© Мызников Б.
© Издательские решения

Содержание

A:/Закат.cad	6
C:/Эксперимент.cad	8
D:/Ловушка.cad	15
C:/Проблемы.cad	19
D:/Выход.cad	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Райский С.А.Д.

Борис Мызников

© Борис Мызников, 2019

ISBN 978-5-4485-6260-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нас бросают от края до края,
По краям расположены двери.
На последней написано: «Знаю»,
А на первой написано: «Верю».

Но одной головой обладая,
Не войдешь сразу в обе ты двери.
Если веришь, то веришь не зная,
Если знаешь, то знаешь не веря.

(Машина Времени)

А:/Закат.cad

Солнце медленно опускалось, пытаясь коснуться края горизонта. В брызгах отражающихся бликов казалось, что оно купается в море, нежится в теплой воде. Вот оно украдкой коснулось самого краешка, и, видимо оставшись довольным теплотой воды, незамедлительно продолжило опускаться все свое тело. Невесть откуда взявшиеся чайки радостно кружили и подсматривали за этим спектаклем, что с неизменным успехом идет вот уже с пару-другую тысяч миллионов лет. Его первым зрителем был, наверно, Бог, купивший единственный билет на первый воскресный показ. Затем кто только не приходил посмотреть на это торжество красок и форм. Конечно, таким зрителям, как какие-нибудь сине-зеленые водоросли, хоть и с партера, но видно было не очень хорошо, но вот наилучший вид без сомнения достался Эль, которая стояла на смотровой площадке великолепного дома, и как замороженная смотрела на солнечный закат.

Руки ее в этот момент соприкасались с теплым деревянным парапетом круглого балкона, расположенного на самой крыше дома и этим напоминавшим ей смотровую площадку на старинном парусном судне. Но вместо корабля под ее ногами подобно необыкновенно длинному шлейфу платья простирался дом, переходящий в одинокий утес, о который разбивались волны. Хотя, чем это не корабль? Также плывет по бескрайнему океану. Только что нет качки, да домик уж больно игрушечный – словно специально для Барби строили. Со стеклянными дверцами и прекрасными зеркалами, в которых она каждый раз отражалась. И всякий раз наслаждалась красотой и совершенством собственного тела.

Возможно, сейчас Эль представляла себя на чудесной бригантине с белоснежными парусами, глядя на эту всегда одинаковую, но при этом всегда такую разную картину купания красного светила, а может, просто стояла и наслаждалась пением чаек, но на лице ее растекшееся блаженство надежной маской скрывало все мысли. Совсем легкий ветер осторожно, боясь нарушить прекрасный момент, ласкал кудрявые волосы Эль цвета парижского каштана, но иногда его игривая натура перевешивала, и он забавлялся тем, что щекотал лицо Эль прядью ее же волос. Она, подчиняясь правилам этой ветреной игры, вынуждена была иногда поправлять прическу.

Все было так неестественно прекрасно, как может быть только перед концом света, не иначе. Может такое сравнение покажется чересчур мрачным, но именно оно подходило лучше всего, чтобы описать состояние Эль. Так может наслаждаться солнцем только осужденный на смертную казнь узник, который знает цену этим минутам сосредоточенного расслабления. Наверно, это состояние должно быть знакомо уставшему от безысходности Робинзону Крузо. А теперь вместе с ними в одной компании Эль.

Голова Эль вмещала огромное количество информации. Она помнила что подарили Иисусу три волхва, кто были шесть жен Генриха VIII, какие бывают классические архитектурные ордера, каковы семь категорий таксономии, что были за «державы оси «второй мировой войны» и еще столько всего, что можно было бы составить подробный список на папирусе, которым потом вполне можно будет обернуть Землю. Вот только она не знала одного. Всего одной малости, но именно из-за этой малости, из-за этой пустой строчки в этом бесконечном папирусе ее знаний, в самом ее сердце поселилась крошечная Жуть, разъедающая все нутро ее и переплавляющая на маленькие страхи и ужасы. Этот маленький пробел состоял в том, что она совершенно не имела понятия, кто она такая. И как, черт возьми, она попала в этот дом, стоящий на одиноком малюсеньком острове посреди бескрайнего моря.

Она уже сотню раз пролезла в каждую щель дома, изучила каждую пядь этого острова, который похож больше на одинокую скалу, но не нашла никакого малейшего намека. Все возможные варианты уже отпали сами собой, не выдержав критики со стороны ее величества

элементарной логики. Самая правдоподобная версия – лидер этой, наверно, двадцатки или двадцать пятки, – что она попросту умерла, тоже оказалась проштампована печатью с надписью «Бред». Так не умирают! Она все осознавала, все могла потрогать, все чувствовала как и прежде. Никаких полетов души, сияний, ничего такого, что она слышала, могло сопровождать загробное существование. Все было подчеркнуто естественно. Даже слишком. Станным было только одно – что это все просто было. Что это вообще все как-то произошло.

И вот, ее ум, подняв безнадежно руки вверх, опустил их и сдался на милость неизвестному победителю. И Эль просто стояла и смотрела на заходящее солнце, и впервые за все это странное время голова ее была совершенно пуста. И нечего в этом нет удивительного, разве возможно без перерыва пытаться решать такую задачу повышенной сложности вот уже столько дней. А интересно, сколько? Да, сколько же раз солнце отправлялось погостить на противоположную сторону Земли, и тихо начинался необыкновенный концерт, который давали на небе звезды? Десять? Сто? Тысячу? Ответа нет.

И опять злая мысль пребольно кольнула грудную клетку – стальную решетку, в котором замуровано нежное сердце. А может, так больно ударился о пределы собственной возможности ее ум, тщетно пытаюсь найти ответ? И, как назло, вокруг – необычайная красота. Ведь самая пленительная красота может в самом прямом смысле свести с ума, Эль это отчетливо поняла. Она чувствовала, что уже не может так дальше. Она медленно повернулась в противоположную сторону от солнца, заставив все море и облака кружиться вокруг нее. Затем, повернувшись опять к солнцу, сделала еще один поворот. Черный кружок от еще яркого солнца в ее глазах кружился вместе с ней.

Вдруг, что-то совсем незаметное, но необратимо однозначное мелькнуло в ее голове. Что-то показалось ей, но тут же, боясь быть опознанным, немедленно ускользнуло опять. Она судорожно стала вглядываться в безбрежное море, стараясь успеть, ухватить ускользящую невидимую нить. Она все крутилась на одном месте, пока не остановилась, уставившись в одну точку. Ей казалось, что как ни глупо это предположение, оно не менее абсурдно всех предыдущих догадок и стоит того, чтобы его проверить.

Дождавшись, когда на фоне мелких, сливающихся друг с другом волн появится одна четко различимая волна, Эль резко развернулась. ТА ЖЕ САМАЯ ВОЛНА, только что, начав свое прекрасное изливание на противоположной стороне, ни кого не стесняясь, заканчивала его перед ее глазами уже на этой.

И она поняла непонимая. И хоть это не давало ни на что ответа, а, наоборот, создало целые несметные полчища голодных страшных вопросов, но теперь всеми своими женскими чувствами она поняла, что ВСЕ ВОКРУГ – НЕНАСТОЯЩЕЕ!

С:/Эксперимент.cad

– Это ты, мразь поганая, мне всю жизнь испортил! Я тебе этого никогда не прошу! Задушу, паскуду! Изуродую! Падла! Подохни, сучье вымя! – Поток самых отборных ругательств, валившихся из огромного рта, похожего на здоровенный ящик, лился уже несколько минут, показавшихся Стому вечностью. Нет, тремя вечностями! Он заворожено слушал и не мог отвести своих сине-голубых глаз от налившихся кровью глаз верзилы, стоявшего буквально в нескольких сантиметрах от него. Наконец шквал ругательств, извергаемых так, словно это Зевс с неба кричит басом, а иногда срывается на фальцет, перешел в умопомрачительный крик смертельно раненого динозавра. Чудовища, которое не только понимает свою скорую кончину, но и страшно мучается от этого. Децибелы яростного крика, смешавшись с маленькими капельками летящей прямо в лицо Стому слюны, казалось еще малость и подкосят покорно молчащего юношу. Но Стим не только молчал все это время, а еще и улыбался своей бесподобно обаятельной улыбкой.

Наконец наступила тишина, которая смогла бы поглотить все звуки на свете. И она бы длилась бесконечно если бы не голос Учителя Виталия, который подобно мгновенному взмаху острого клинка, рассек тишину надвое, и она покорно заструилась к его ногам.

– Спасибо, ребята. Вы отлично поработали оба! А ты, Иваноби, просто зарыл в себе великого драматического актера. Ты просто талантище. Чуть не сдул бедного Сtima!

Тот, кого называли Иваноби, весь красный от напряженного оранья, а может зардевший от такой похвалы, стоял, боясь поднять глаза на Сtima. Этого без пяти минут великана прозвали Иваноби просто по инициалам: Иванов Б. И. после того, как он имел неосторожность упомянуть фильм «Звездные войны» и одного из Джедаев – Оби Ван Кеноби. Он долго пытался отделаться от не нравившейся ему клички, чем только сильнее ее к себе приклеил. Так он и стал – Иваноби не только для всей группы, но и для Учителей. В САДу было принято, чтобы Учителя называли студентов не по фамилиям, и даже не по именам, а по кличкам или Никам, которые давали сами себе студенты. Так выглядело демократичнее. А Учителей принято было называть по именам, но обязательно с приставкой «Учитель». И всегда от студентов требовалось неукоснительное уважение к Учителям. Любое нарушение строго наказывалось.

Учитель Виталий обратился к Стому:

– Ну, Стим, рассказывай, что ты чувствовал?

– Вы знаете, Учитель, такого переживания я не испытывал уже довольно давно, – начал говорить Стим. Видимо у него во рту пересохло, поскольку он несколько раз проглотил слюну перед началом ответа. – Я как бы раздвоился. Одна моя часть была в ужасе. Да и сейчас еще немного в нем. Иваноби умудрился создать такой поток, что находиться в нем до чертиков страшно! Чувствуешь, что смерть твоя пришла: ведь он так убедительно собирался меня разорвать на куски, да и посыпать матом потом, чтобы не срослось! Да и оглох я на самом деле немного! Иваноби, я перед тобой преклоняюсь! Ты – гений! Я чувствовал, что во мне все вскипает, все пытается противиться такому натиску. Появляется злость в ее первозданном виде, она пытается влиться мне в кровь. А стою, словно перед настезь открытым окном в момент шквального порыва урагана, сметающего все преграды напрочь. И в этом всем есть такая силища, что ей можно, замерев, наслаждаться! Что и делала моя вторая половина! Она просто кайф ловила от всего этого! Она-то уж точно знала, что все не по-настоящему! Хотя, скажи честно, Иваноби, ты на меня на самом деле не обижаешься за что-нибудь?

Последняя фраза так разрядила несколько напряженную после необычного упражнения атмосферу на занятии, что вся группа, и верзила Иваноби затряслись в приступе смеха. Учитель Виталий – профессор психологии, пытавшийся на своих занятиях дать возможность ребя-

там почувствовать заложенные в них стереотипы, и строивший свои занятия в увлекательной практической форме, смеялся вместе со всеми.

Слезы выступили от смеха у Сtima, и он их вытирал изредка пальцами, делая при этом вид, скорее машинально, что поправляет свою прическу – короткий «ежик» немного волнистых черных волос, который он каждый день укладывал феном. Его лицо вполне можно было назвать обычным, но оно почему-то задерживало на себе внимание. Создавалось впечатление, что оно знакомо. Может быть, он просто был похож на какого-то известного человека? Но никто конкретный на ум так и не приходил.

Смеялся Кубер – немного грузный парень, повернутый на компьютерах, бывший хакер. Да что там бывший! Хакерами не становятся. Ими рождаются. Вступив на этот путь уже никогда нельзя с него сойти. В том смысле, что он всегда теперь стремился залезть в самую сердцевину, причем самым нетривиальным способом. Желательно запрещенным. Глядя на его хитроватые карие глаза, никогда не было ясно, что у него на уме. Хотя в целом лицо его казалось довольно добродушным, как и всех немного полных людей. Лицо его еще больше могло выдавать полноту, если бы не волнистые длинные волосы до плеч, которые уравнивали пропорции.

Очень интеллигентно, как впрочем всегда, смеялся Граф. Высокий симпатичный парень, обладатель светлых волос и лица, производивших на всех одинаковое впечатление. Сразу казалось, что его владелец – человек знатного рода и очень утонченного вкуса. И как только ему в простой семье заводских рабочих умудрились дать имя – Евграф? Наверное, таким именем и определили необычную судьбу. Ведь он, как и все остальные в этой группе, сумел пасть в САД. И сразу стал там Графом. В этой среде такое возможно. Здесь никто не смотрел на материальное положение, такой категории как будто не существовало. В любой другой ситуации Граф имел бы все шансы стать бедным отщепенцем из далекой провинции. И он прекрасно понимал и ценил тот шанс, который подарила ему судьба, определив его в САД, выбросив шесть-шесть на волшебных кубиках фортуны.

Стоял теплый июньский вечер. Занятия в САДу проходили круглый год. И каникул практически не было – так, только небольшие перерывы на несколько дней. Иногда неделю. Все объяснялось тем, что практически все программы требовали полного погружения в них. И все каникулы все равно были заполнены разными занятиями и практиками.

Группа сидела на поляне, охраняемой разными деревьями, которые стояли и покачивались, дирижуемые ветром, в такт только им один слышным мотивам. Сегодня ветер был очень мягок и весел, вероятно, напевал нежный вальс, поэтому деревья только чуть покачивали ветвями. Если занятия можно было проводить на открытом воздухе, то всегда так и поступали. Тем более в разгар лета. И вообще, лето – это не только прекрасная пора для отдыха, но также и отличное время для проведения уроков на свежем воздухе!

– Так, прекратили, – строгий голос Учителя Виталия мгновенно навел порядок. – Разбились все на пары. Готовы? Тогда следующее упражнение. Сели напротив друг друга, желательно поближе. Ну, мужики, готовы? Задание будет очень суровым! Но, уверяю, вам понравится. По очереди, каждый из вас должен будет одной мимикой без слов показать другому, что он его «хочет». Ну, вы понимаете, в каком смысле? Да, да! Именно в этом самом! Смешки оставьте на потом, настройтесь на серьезную работу. Минуту на раскачку и вперед! Я понимаю, что если бы среди вас были девушки, то вы бы справились без проблем. Но в чем был бы тогда смысл? Переживайте все зажатости, неудобности, которые спрятаны внутри вас. Найдите их, смакуйте их. Они так долго вас дурачили тем, что работали только на подсознание и скрывались от ума, что настало время разоблачить врагов. Как почувствуете, что вы не можете – значит, они рядом. Тащите обеими руками. И если надо, то и ногами тоже.

Учитель Виталий смотрел, как ребята, пытаюсь преодолеть смущение и проглотить смешки, включаются в процесс. То там, то тут кто-то не выдерживал и, хватаясь за живот, валился на землю, давась от смеха. Тогда Учитель подходил и молча дотрагивался до таких

учеников, чтобы они успокоились и не создавали цепную реакцию. Но как забавно было наблюдать за всеми! Виталий и сам еле сдерживался! Вот прекрасный актер Иваноби всюду стрелял глазами в того же Стима. А Стим отвечал все той же своей обаятельнейшей улыбочкой. Вот Граф интеллигентно изображал возжелание к сидящему напротив Куберу. Кубер еле сдерживался, чтобы не прыснуть! Вот Рыжий – наверно в каждом классе найдется свой рыжий – так вжился в роль, что пускал аж слюну, продырявливая взглядом сидящего напротив шуплого Марка.

– Так, поменяйтесь ролями! – сказал Учитель Виталий. Он продолжал наблюдать, прохаживаясь между ребятами, которых он знает уже почти год. Да, за это время можно успеть привязаться к ним довольно сильно. Особенно, когда сетка занятий такая плотная, что приходится встречаться чуть ли не каждый день. Ведь согласно общему плану занятий практическая психология на первом году обучения является одним из главных предметов. А и будь бы воля Виталия, он бы предложил ввести такой предмет в каждую школу как обязательный. Что толку учить никому не нужные химии и общественные науки? Нужно начинать с себя! Поиграть в психологические игры, почувствовать те рамки, в которых находишься, те роли, которые сам себе выбрал играть. Понять, что все это находится в собственных руках, вернее – голове. А посему может быть исправлено! Нужно только заниматься. И не как-то умозрительно, а каждый день, кропотливо находя собственные модели, наблюдая их, а затем потихоньку изменяя. И тщательно практикуя, отслеживая все малейшие изменения. Наверное, каждый учитель любит свой предмет и считает его главным, но Виталий – отдавший всю жизнь психологии – любил свой предмет особенно сильно.

– Закончили! – Он несколько раз хлопнул в ладоши, чтобы снять «остаточное напряжение», как он его называл. – У кого не получилось? По-моему, у тебя, Марк. Рассказывай!

– М-м-м, – протянул Марк, – я не могу. Ну, как этому Рыжему черту можно признаваться в таком интимном желании? Я ж нормальный!

– Во-первых, внутри каждого мужчины скрыта его женская часть. И тебе надо было попытаться ее найти, хотя бы через такое упражнение. И взглянуть на другого мужчину женскими глазами. Вы должны не гея изобразить, а женщину, желающую мужчину. Скажем, выпустили тебя из женской колонии после десяти лет отсидки, идешь ты, страдаешь, а тут глядь – мужик! Ну, Рыжий, ну и что? Чем он плохой? Вот в тебе просыпается простое чувство – похоть. Тебе нужно просто поймать это состояние и выпустить его наружу. Иначе ничего не получится. Везде нужно все проявлять. Ясно?

– А что во-вторых? – спросил Марк.

– А что во-вторых я тебе потом скажу. А пока попробуй еще раз. И все, у кого не получилось, повторяют еще раз. А пока у кого получилось? Стим, давай ты скажи. Как тебе после всего, что ты получил от Иваноби, удалось ли к нему проявить нежность?

– Да, Учитель. Сперва никак не мог сосредоточиться. Все это задание невыполнимым казалось. Да вы ж на него посмотрите, на лося этого! Все желание пройдет! Но я потом думаю: «Ведь это же все игра! Что я, не могу сыграть что ли? Это все не по-настоящему!» И я представил, что внутри меня живет прекрасная мисс, а напротив меня сидит прекрасный принц, а не этот волосатый верзила. В какой-то момент барьер внутри меня сам собой провалился и спокойно сквозь него прошел.

– А барьер почувствовал?

– Да, еще как! Вообще сегодня у меня сильные впечатления! Долго не забуду! – Стим повернулся к партнеру. – О, Иваноби, любовь моя!

Все опять прыснули от смеха, не в силах больше сдерживать в себе позывы разрядиться в неловкой ситуации. Немного дав всем разрядиться, Учитель захлопал в ладоши:

– Продолжаем работать!

Солнце, целый день смотревшее на Стива сверху, решило, наконец, опуститься поближе к горизонту и заглянуть прямо в окно общежития, в котором жил Стив. Он как раз в этот момент находился в своей комнате, и открывал створки, запиравшие его от окружающего мира. Он хотел вдохнуть чистый лесной воздух – окна общежития как раз выходили на лес, занимавший все видимое пространство. Но тут неожиданно их взгляды встретились. Садившаяся огромная звезда, оказавшаяся по воле то ли случая, то ли счастливого провидения так рядом, что стало возможным рассмотреть ее практически в упор, как будто специально для Стива сбавила яркость. Тем самым предоставив ему возможность заглянуть в нее и глубже провалиться в самые солнечные недра. Стив, утопая в солнечном диске чувствовал, что оно пристально наблюдает за ним. Как если бы за этим солнечным кругом прятался настоящий Бог. Да, так и было: солнце смотрело именно на него, на Стива! И звало его за собой. Стив перестал чувствовать реальность происходящего, утонув в этом свете. И даже березовые листики, пытающиеся, хотя и не очень активно, вернуть Стива обратно на Землю, и колышущиеся на ветру, не смогли разрушить установившуюся прочную связь с пылающим ярким красным светом шаром. Он как будто отправился в путешествие на солнце. Да так оно и было в каком-то смысле. Он смотрел на солнце и думал, что оно вот также пристально наблюдает за всеми другими. И не только людьми и живыми существами, а абсолютно за всем. И каждый может считать, что солнце создано только ради него.

Стив почему-то перенесся в далекое детство, становившееся с каждым днем все более нереальным. Вот он, совсем маленький, стоит в осеннем лесу. Ему страшно не нравится колючая рубашка, от этого он капризничает, но не знает, что делать. А вот он стоит в магазине и не понимает, почему маме вместо одной денежки в кассе дают целую кучу. «Мама, давай ходить в магазин почаще!» – говорит он. А вот он в первом классе сидит за партой и гудит про себя. Он абсолютно уверен, что его никто не слышит: ведь у него закрыт рот, и звук полностью находится внутри! И только строгое замечание учительницы вводит его в краску. Его зовут к доске, он так теряется, что забывает обуть сандалики, которые он снял под партой, и выходит к доске босиком. Все смеются.

Еще он помнит, как он ходит по улице и подбирает звуки под все увиденные предметы. Вот он гудит, как уличный компрессор, и ему интересно, что их звуки могут совпадать. А вот он в парке пытается подстроиться под пение птицы, возможно, соловья, он не знает какой именно. Он часто подпевает песням по радио, и множеству разным другим звукам, которыми наполнен обычный день маленького мальчика. Это занятие его по какой-то странной причине манит. Оно кажется ему наполненным удивительным содержанием, смысл которого ему не дано постигнуть. А может быть, просто не пришло для этого время? Сейчас уже, конечно, Стив не гудит при посторонних. Только оставшись наедине с собой, он может иногда предаться этому странному занятию. Но Стиву кажется, что однажды ему удастся подобрать волшебные ключи к окружающему миру, и тогда он явит ему все свои самые сокровенные тайны.

Когда через неопределенное время солнце его отпустило на Землю, сказав, видимо, что пора ему, у него свой рабочий день заканчивается, дома жена – дети, пока, Стив, до завтра. И Стив оказался опять в своей комнате, наблюдая как скрываются от него последние части солнечного тела. Он не сразу понял, где он и кто он, и только постепенно стал понимать где он находится.

Он сейчас в учебном заведении, не имеющем аналогов во всем мире, которое называется «Ctrl Alt Delete», оно же «С.А.Д.» или по-простому САД. Его нельзя причислить ни к школе, ни к колледжу, ни к институту. И программа обучения нигде не утверждается. Это просто место, где собрали молодых и талантливых ребят и решили развить все заложенные в них способности, включая необычные для этого соединив лучшие инструменты, что достигло чело-

вечество за все время своего существования, соединив воедино тонкости восточных практик и глубину материалистического проникновения в мир. Дао и Чань, теорию физического вакуума и универсологию, ушу и айкидо, психологию и философию, аюрведу и западную классическую медицину, фэн-шуй и сакральную географию, высшую математику и геометрию, цигун и тайцзы-цуань, а также многое, многое другое. Пытаясь сломать установленные стереотипы и развить разностороннюю полноценную личность, изменив все с самого начала. В этом смысле это учебное учреждение и было садом только не детским, а как бы уже взрослым, но где все приходилось переосмысливать сначала.

Стим был счастлив, что он попал в сюда. Он думал, что здесь найдет ответы на главные вопросы, которые он не знал, кому можно задать. Но ведь не он один такой! Множество людей в самые разные времена пытались разобраться в хитросплетениях окружающей действительности, называемой Вселенной или Миром. Кому-то это должно было удастся! И Стим обязательно должен узнать.

Стим вспомнил, как попал в САД почти год назад. После своего первого курса в рядовом техническом институте он должен был отправиться в армию на два года, как и все остальные его односадовцы. Все они заполняли анкеты из сотен вопросов, проходили тесты, сдавали анализы. Им объясняли, что набирают элитную группу программистов для выполнения спецрасчетов, что будут жить как у Христа за пазухой, да и вообще создали ореол престижности вокруг всего этого. Конкурс был такой, что попасть было практически невозможно. Конечно, ходило множество слухов вокруг этого проекта, но никто ничего не знал. Да, ввиду того, что прецедентов не было, и знать-то было нечего.

Все простились с родными, и, взяв свои вещи, отправились хоронить лучшие свои два года. И только потом выяснилось, что это никакая не армия, а нечто среднее между институтом для вундеркиндов и тибетским монастырем. При всем этом САД находился в закрытой воинской части, в огромном лесном массиве в Подмосковье. Как и положено, он не нанесен на карты, дорога к нему закрыта. Никто из учеников не знал, как такое возможно: совсем рядом с Москвой находится школа, о которой практически ничего не известно всем, кто находится за ее пределами.

В разное время возникали различные версии на этот счет, но какая из них верная, не знал никто. Официальное объяснение состояло в том, что проводится учебный эксперимент, совершенно не совместимый с традиционной образовательной системой, а поэтому требующий обстановки полной секретности. Тем более, что в рамках учебной программы было знакомство с новыми военными разработками в области психотропного оружия, а также современных компьютерных средств безопасности.

Поначалу трудно было привыкнуть и приходилось учиться и практиковаться от зари до глубокой ночи, лишь проваливаясь в глубокое забытие на четыре-пять часов. Но уже спустя пару месяцев организм перестроился и стало оставаться свободное время для общения. Или вот как сейчас – постоять и помедитировать на закат. Хотя, честно сказать, такое занятие – часть общей программы. И как всегда в одиночестве можно попытаться подобрать звучание этого заката, попробовав изобразить его голосом.

В комнату без стука ввалился Кубер, искрошив на мелкие кусочки цепочку воспоминаний, связывающую Стива и Мстислава Левича – так когда-то его звали. Звенья отдельных воспоминаний мгновенно исчезли в никуда, отгородив призрачной дымкой прежнюю жизнь Стива, и загнав ее обратно в тень, откуда она казалась абсолютно нереальной, как будто видение своей прошлой жизни в магическом хрустальном шаре.

– Что, Кубер, опять в форумах висишь? Нашел новую удаленную любовь? – спросил Стим, немного неуютно чувствуя себя после возвращения из путешествия в прошлое.

– А то! Как обычно, зову ее с собой в уютную нору отправиться, – Кубер ответил немного отвлеченно, было видно, что его голова занята совсем другим.

– Что-то случилось, Куб? – Стим перестал подшучивать над другом.

– Тут одна тема есть к тебе, – начал издали Кубер. Стим заподозрил что-то неладное – уж больно редко его обычно веселый приятель выглядел таким серьезным.

– Ты помнишь разговор о Сиреновом корпусе? – продолжал Кубер. – О том, что находится там, «ниже плинтуса» как ты говорил. Так вот тут я вскопал кое-что про это. Оказывается, в Сиреновом корпусе как минимум несколько этажей под землей сокрыто от глаз.

– И что? – Стим чуял, что дальнейший разговор приобретет неприятный для него оттенок. Он знал своего друга как облупленного и уже ожидал очередной авантюры с его стороны.

– А то, что все они напичканы самыми современными машинами. Нам такие и не снились! Ты бы сказал, что это как минимум Септиумы. Они должно быть стоят миллионы баксов.

– Ну и что? Может, там просто проводят исследования на одном из передовых краев науки. Не зря у нас программирование – одна из самых главных тем. А может это просто огромный банк данных. – Стим всячески пытался придумать убедительную причину.

– Какой банк данных, процессор ты мой перегретый! Туда можно весь Интернет запищать! Я теперь ничего не понимаю, понимаешь? – Кубер был явно возбужден. Он ходил по комнате вокруг Стива как детский паровозик. – Мы ж все-таки не в Силиконовой долине живем.

– Ну и все равно не поймешь! Чего ж тут непонятного? – пытался отделаться шуткой Стим.

– Вот тут ты не прав. Я ж все-таки не Буратино деревянный. Есть один способ. – Кубер если уж начал себя хвалить, значит, разогрелся не на шутку.

– Лады, вываливай, что надумал, – Стим обратился во внимание. Он хорошо успел узнать Кубера и понял, что бывший хакер никогда в нем не зачахнет. Как был Кубер легок до всякого рода авантур, так и умрет с этим. Это в крови, это характер, это у него жестко прописано в голове, вмонтировано так, что что-то с этим сделать можно будет лишь в следующей жизни, если нас в этом не обманули.

– Я придумал, как можно взломать их компьютеры и скопировать какие-нибудь файлы, пару папочек там.

– Кубер, ты что хочешь, чтобы мы с тобой завтра с треском вылетели из САДа?

– Извини, Стим, не согласен с формулировкой. Давай лучше буду доделанный. Я так все хорошо продумал, неделю не спал, все голову ломал. Я же мастер с многолетним опытом работ. Ты ж знаешь! В общем, слушай. Мы с Графом...

– Что? Куб! Ты, старый развратник! Ты совратил и этого святого человека?

– Да все не так страшно, Стим! Мы с Графом отвлекаем внимание, а ты просто по-быстрому копируешь файлы.

– Кто? Я? Ты сам то понял, что только что сказал? Как это – я? Вы, значит, кидаетесь из-за угла снежками, а я пробираюсь на территорию противника, и меня тепленького берут! – Теперь уже и Стим стал заводиться не на шутку.

– Стим, я же тебя не брошу, родного! У тебя будет весь необходимый пакет! И мы с Графом будем палить из пушек, и с самолетов, и с подводных лодок, а ты в танке въедешь тихонько пока все в дыму и сорвешь пару яблочек. А потом вернешься, запустишь «гусеницу» – особую программу, которая заметет все следы твоего пребывания на чужой стороне, и сама себя сотрет. Доказательств не будет. Гарантия – пятьсот процентов!

– Ох уж эти обещания! Хотя бы в пять раз меньшее оказалось правдой, – ответил Стим, мысленно разделив пятьсот на сто. – А как тебе удалось подбить на это Графа? Он же никогда раньше не участвовал в таких аферах.

– А просто спросил его, есть ли у него полная уверенность в том, что нам всем уготована благородная миссия. А что, если из нас, по каким-то неизвестным нам причинам, готовят машины для уничтожения? Зазомбируют как следует, например, напичкают дерьмом нам

неизвестным. Так вот, Граф не знал, что ответить. И я не знаю. Но уж точно сделаю попытку найти ответ.

– Но, Кубер, наши учителя не могут нас предать. Я это просто чувствую.

– Согласен, Стим. Но ты же не можешь поручиться, что они не окажутся точно в такой же ситуации, как и мы. Ведь не забывай, что как ни крути, а мы находимся на территории воинской части. Ну, так что скажешь ты, Стим?

Кубер наконец перестал кружить вокруг Стима, остановился и уставился прямо в его бездонные голубые глаза. Стим набрал побольше воздуха в грудь, затаил на какое-то время дыхание, и ответил:

– Лады, Кубер, тащи свою тяжелую артиллерию, и что там у тебя в запасе есть. Полезли в чужой сад, яблочки воровать.

D:/Ловушка.cad

Эль замерла в неподвижности, словно окаменевшее ископаемое, напоминавшее о существовавшей когда-то жизни, давно ставшее музейным экспонатом.

Как странно получается: ломаешь голову долгие дни напролет, мучаешься, ищешь ответы, а все происходит как-то молниеносно и само собой, без участия твоих мозгов. И из-за чего? Из-за какого-то всплеска волны? Из-за стада маленьких морских белых барашков, скатившихся дружно на санях с морской горы! Почему какая-то безумная мелочь, на которой не только нельзя строить серьезные предположения, но и рассказать-то кому-нибудь стыдно, но именно она может перевернуть все представления с ног на голову за две трети секунды. И пока блещет эта молния озарения, все вокруг становится кристально ясно; все видится таким, какое оно есть. И еще некоторое время остается точный отпечаток этого момента в голове. А дальше... А дальше наш знакомый постоялец, прописанный на постоянное место жительства по всем известному адресу: Черепная Коробка, дом 1, выходит на балкон как на сцену. И говорит:

– Постойте, постойте! А, собственно, что было? Я вот ничего не видел. А кто-то успел что-нибудь заметить? Или просто показалось?

Под его давлением все участники событий расходятся по домам не солоно хлебавши, пасуя перед этим бессовестным типом. Если бы только не одно маленькое «но», проживающее в таком хитром месте, куда никто не может пробраться.

– Ага! – раздается тоненький голосок этого маленького «но». – Я все видело!

Наш серьезный жилец Черепной Коробки может теперь сколь угодно долго орать, сыпать сверху тяжелые аргументы, выливать факты, опускать гири доводов на веревках с завязанными на ней узлами логических доказательств. ПОЗДНО! Обратного хода нет.

У Эль в какие-то малые доли мгновения произошел переворот в голове. Она продолжала все так же стоять на той же самой площадке, она все так же смотрела вдаль на играющие в салки маленькие волны и на шныряющие между ними большие, неторопливо спешащие по своим волновым делам. Но все было в этом не так!

Что же изменилось в этот ничтожный момент? Что-то внутри нее или в окружающем мире? Она не могла понять, да и не старалась. Ведь это теперь было абсолютно не важно. Главное – это то, что теперь все привычные представления валялись вокруг нее разбитыми стеклянными осколками.

Мир ненастоящий! Она в ловушке! Кто ее здесь держит? Зачем? Как она сюда попала?

– Эй, вы! – крикнула Эль, обращая свое лицо к небу, куда мы по привычке шлем свои молитвы вперемешку с проклятиями. – Кто бы вы не были! Я хочу знать: кто я, где я, что со мной? Слышите? Если я сейчас же не получу ответа, то я... – Она растерялась, немного озираясь вокруг. – Я прыгну с этой стены прямо сейчас! Раз, два,...

Эль начала считать даже не огласив конечной цифры, должной увенчать этот последний отсчет. На счете «три» она сделала резкий рывок к барьеру навстречу заходящему солнцу. И сразу после ее первого шага произошло то, чего она могла меньше всего предположить. Все что угодно: голос с неба, снисхождение с небес, ладони, хватающей ее за руку. Только не это! Все вокруг ЗАМЕРЛО. Вместе с ее собственным телом. Как будто кто-то великий поставил весь мир на паузу...

– Алло! – темнокожий человек лет под шестьдесят снял трубку. Он всем своим видом подчеркивал, что принадлежит миру науки: своими очками в красивой оправе, и явно просту-

пающей лысиной, продолжающей и без того большой лоб, и торчащей из кармана белого халата ручкой и чересчур умным взглядом.

– Хортон! – донесся поскрипывающий голос из трубки, явно принадлежащий человеку, стоящему выше по социальной лестнице, судя по властной интонации. Хортон вздрогнул – он явно узнал звонившего.

– А, день добрый, мистер Такинаки! Рад слышать вас! Как ваши дела?

– Это я у тебя хочу поинтересоваться, Хортон!

– Все идет по плану. Завтра переходим ко второму этапу – открываем шлюз.

– Почему завтра? Ведь должно быть сегодня! – Трубка скрипела все сильнее и недовольнее.

– Это был старый вариант плана. Новый я прикладывал к отчету на прошлой неделе. Все под контролем.

– Хортон, у меня клиенты ждут результатов сегодня. И это самое главное. Завтра может быть поздно! Запускай все сегодня, и плевал я на все твои заморочки и изменения в планах. Понял? – не дождавшись ответа, человек с другой стороны океана повесил трубку.

Ученый откинулся в кресле, заложив руки за голову. Такая поза его немного успокаивала. Особенно, когда при этом он протягивал ноги на стол, что произошло и сейчас. Стол его запросто мог сойти за макет комнаты с архивом документов, в котором порылась шайка грабителей, искавших спрятанные документы. Смешались отпечатанные листы с графиками, клочки бумаги, написанные от руки, пустые одноразовые стаканы со скомканной упаковкой внутри, полуполные и полупустые пачки сигарет, записные книжки, компакт-диски в пластиковых коробочках. Кое-где валялись ручки, а угол стола украшала почерневшая шкурка банана. А теперь совсем рядом с пепельницей красовались и черные ботинки хозяина всего этого чудесного беспорядка.

Это была его маленькая месть тому, что в голове приходилось держать все мысли в полном порядке. Ведь он, как руководитель огромного подразделения, ответственный за сотни и тысячи людей, а теперь, может, и за все человечество, не имел права на ошибку.

Хортон достал очередную сигарету, и зажал ее зубами. Затем неторопливо как в замедленном кино чиркнул спичкой – Хортон не признавал зажигалки ни в каком виде – и стал смотреть на горящую древесную плоть, как будто это корчило в предсмертных муках на огне живое существо. Он смотрел на огонь, как на единственного друга, с которым он мог откровенно поделиться своими переживаниями – такая плата за сверхсекретность преследовала его последние лет двадцать. Но дружба с кем-либо, тем более с огнем – штука опасная. Почувствовав острую боль на кончиках пальцев, Хортон выронил обугленную спичку на стол, а затем ей вслед полетела и сигарета, оставшаяся спасенной.

«Почему я всю жизнь должен делать все против своей воли?» – спросил себя Хортон. Затем он достал из ящика стола потрепанный диктофон и нажал «REC».

– Анжела! Это я, профессор Оливер Хортон. – Он специально назвался, на случай, если эту запись будут прослушивать посторонние люди. – Пришло время тебе многое рассказать, поскольку дело принимает опасный оборот и обратной дороги уже нет. Ты сама решишь, как правильно распорядиться этой записью. Если ты ее слушаешь, то, значит, я уже тебе не помощник. Когда в деле замешаны огромные деньги – не миновать беды. И любой может оказаться затоптанным огромными лапищами этого жадного монстра – жажды еще большей наживы.

Ученый достал из пачки новую сигарету, забыв про ту, что осталась целой, и машинально прикурил, нажав на паузу. Он окинул взглядом свой кабинет, который на первый взгляд казался более просторным, чем был на самом деле. Всею виной – хитрое освещение, создающее иллюзию, что в кабинете большие окна, хотя это было не так. Да и многочисленные зеркала также способствовали этому эффекту. Профессор посмотрел в угол кабинета. Там находилась черная консоль, поверхность которой отражала яркие окна. Это был запасной терминал, веду-

щий туда, в самые недра эксперимента. По нему можно было проникнуть в самую суть, в самое сердце, обойдя основной канал связи. Про него знали только несколько человек. Может быть, придет время, и необходимо будет воспользоваться этим порталом, чтобы проникнуть туда, в другой мир. Сделав глубокую затяжку, Хортон понял, что немного собрался и может продолжать.

– Как ты знаешь, Анжела, я являюсь одним из руководителей «Проекта L» вот уже более десяти лет. Все, в том числе и ты, Анжела, думали, что это чистой воды фантастика. Так оно и было когда-то. Я и сам не верил в него до конца. Конечно, можно перенести сознание людей на электронный носитель и создать тем самым новую расу на планете Земля – расу бессмертных существ, мгновенно обучающихся, мгновенно перемещающихся в пространстве, могущих быть в разных местах одновременно. Это вполне возможно лет через пятьдесят. Так я думал когда-то. Так думаешь ты. Но мы недооценили, что в развитии бывают иногда резкие скачки, переводящие на качественно новый уровень. Что и случилось. Появились такие новые технологии, о которых еще несколько лет назад нам и мечтать не приходилось.

Хортон с шумом затянулся, потушил окурок и продолжил:

– Я не говорил тебе, но я всегда работал в «Проекте L» и никогда его не покидал. И теперь настало время, когда мы оказались впереди всей планеты. Хотя, возможно, мы же ее и погубим.

Хортон вспомнил времена, когда заголовки газет пестрели словами «бессмертие», «компьютерная раса», «телепортация». Казалось, это было так давно, а всего-то пролетело несколько лет. Вся тема была сознательно уведена в тень, и о ней благополучно забыли, как, например, забыли о теме освоения космического пространства. О тех же полетах на Луну. И никто не знает, каким боком потом что выльется. Ведь никто даже предположить не мог, что 25 миллиардов долларов, потраченные на шесть высадок на Луну, окупятся только с помощью тефлоновых покрытий на сковородках – единственно полезным результатом всей этой кутерьмы. А уж предполагать, что выйдет из «Проекта L» можно сколько угодно. Но только знать наверняка нельзя.

Профессор нее знал точно, зачем он делает эту запись. Поможет ли она ему? Поможет ли она кому-то другому? Не зря ли он вовлекает в эту опасную игру еще и Анжелу – единственного человека, которому он может доверять? Они с Анжелой расстались уже более десяти лет назад, прожив вместе довольно счастливо двадцать пять лет. Дети уже стали совсем взрослыми, у каждого из них была своя жизнь. А он в свое время между работой и семьей выбрал работу. И теперь он был одиноким жалким стариком, не смотря на то, что он уважаемый профессор, руководитель одного из самых амбициозных проектов века. Как человек он был никому не нужен. И из миллионов людей, живущих на Земле, единственный, кто питал к нему хоть какие-то крохи жалости – это была как раз Анжела. И имеет ли он право теперь, после того, что она для него сделала подвергать ее риску? Наверное, правильный ответ – нет. Но что такое правильно, а что нет? Кто бы мог сказать? А если проект выйдет из-под контроля? И кому-то придется искать концы, чтобы хоть что-то предпринять для совершения правильного действия.

По своему опыту Хортон знал, что для того, чтобы справиться с проблемой, необходимо знать о том, как она появилась. И только тогда можно что-то сделать. Выход всегда там же, где вход. И именно поэтому профессор сейчас пытался расставить все по полкам для воображаемого человека, кто будет прослушивать эту запись. Кому Анжела сочтет нужным продемонстрировать ее. А может быть все напрасно? И зря он перестраховывается.

– Профессор Хортон! – раздался голос из вне, обрушившийся на дверь кабинета Хортона вместе с мощными ударами кулаков.

– Да, Ричард! – Хортон выключил диктофон, убрал его в ящик стола и пошел открывать дверь. – Что случилось? К чему такой шум?

– В системе произошли изменения, профессор! Вам срочно нужно подойти. Я даже поставил программу на паузу, – В дверях стоял невысокий белобрысый молодой человек, кото-

рый весь суетился, переминался с ноги на ногу, вытаскивал руки из карманов халата и убирал их обратно. Он был так взволнован, что и не пытался скрыть свое волнение.

– Что? На паузу? Ты что, идиот? – Хортон пулей выскочил из своего кабинета, громко хлопнув дверью, и побежал по коридору. Он был похож на Маленького Мука, который в своих сапогах-скороходах спешил в Главный зал.

С:/Проблемы.cad

– Я понимаю, что кулаками махать много проще, чем внедриться в суть такой науки, как скажем, квантовая механика или теория относительности Эйнштейна. Немногие ученые на самом деле там разбираются прекрасно, как хотят показать. Вот взять атом любого вещества. Это крошечные электроны, вращающиеся вокруг ядра, как планеты вокруг солнца. А теперь сложите вместе вот такие вот «мини солнечные системы». И эту вот пустоту мы называем твердым телом! Вот если рассмотреть эту вот стену в супермикроскоп, то увидим, что там вообще ничего нет! Пустота! Так почему же мы не можем пройти сквозь нее? Вопрос к вам, на который вы мне ответите позже. Или, если вам угодно, вот вам альтернативное задание: научиться летать. Ведь мы же опираемся на пустоту, когда стоим на полу, и не падаем. Точно так же можно опираться на воздух, он такой же плотный или такой же пустой. Так что если почувствуете себя слишком умными, то можете попробовать полетать.

Учитель Аркадий шагал по рядам небольшого класса, заложив руки за спину и запрокинув голову. Его седые волосы были немного всклокочены, а рот скалился, как будто ему было больно. Глаза Учителя смотрели сквозь толстые очки куда-то внутрь атомного ядра. Часто казалось, что он разговаривает сам с собой, но как ни странно всегда все прекрасно слышал. Дойдя до конца комнаты, он повернулся и продолжил:

– Согласно Программе, вам не требуется становиться специалистами по всем этим темам, как ни жаль. Мое мнение в этом вопросе другое, вы его прекрасно знаете, но, тем не менее, вы должны прекрасно разбираться в сути всех теорий. Включая новейшие веяния. Одно из них мы сегодня разберем подробно. Автором его является один московский ученый...

Стим пытался сосредоточиться на том, что говорит Учитель Аркадий, но мысли то и дело возвращались к вчерашнему разговору с Кубером. Внутри сразу начинался легкий мандраж. «Конечно, Кубер асс в этих делах, ему проще, – думал Стим, – навалил мне всяких программ, как фея золушку предупредил, что после операции все растает. А сам как бы на вторых ролях. Хотя мы с Графом не сумеем корректно отвлечь внимание, это уж он тут непревзойденный мастер по всяким штучкам. Только бы все получилось!»

– Мстислав! Как вы думаете, почему? – Учитель Аркадий никогда не пользовался Никами и кличками учеников, а называл их всегда только по именам. Стим понял, что потерял нить лекции, но не растерялся:

– Простите, Учитель, но у меня нет на этот счет своего мнения.

– В этом нет ничего странного. Многие ученые сломали над этим вопросом головы. – Аркадий продолжал маячить перед глазами.

«Как все-таки хорошо, что в САДу не ставят оценок!» – подумал Стим. Действительно, система обучения здесь не предполагала, что кто-то должен быть лучше или хуже. Все считались изначально достойными и равными, но со своей индивидуальностью. Вот это всем ученикам очень нравилось. Хотя такой подход требовал очень высокой ответственности. Высокое доверие к тебе подгоняет гораздо эффективнее, чем традиционная система кнута и пряника.

– Так вот, – донесся до Стива откуда-то с неведомых высот немного скрипучий голос Учителя Аркадия, – Эта теория описывает материальный мир, состоящий из атомов, молекул, различных элементарных частиц как просто некие возмущения в общем информационном поле, которое, в свою очередь является порождением еще более тонкой структуры, называемую первичным торсионным полем. Но об этом чуть позже.

Аркадий обвел присутствующих взглядом. Он испытывал явное удовлетворение, когда пользовался новыми терминами. Видимо предвкушая длительное объяснение его значения. А уж когда впереди такое красивое словцо! Торсионные поля! Все его слышали, но опять-таки мало кто понимает о чем речь! Научная проповедь тем временем продолжалась:

– Элементы информационного поля не имеют массы и ненаблюдаемы для нас в своем невозмущенном состоянии. Но они связаны все вместе в единую голографическую структуру. В которой информация передается мгновенно. Имеется в виду следующее: если разрезать обычную фотографию пополам, то получим две половины одного целого. А если же разделить пополам голограмму, то получим две идентичные голограммы, каждая из которых содержит в себе оригинал. Вселенная – такая же огромная голограмма. Каждая ее часть связана с любой другой и с целым. И изменение одного влечет мгновенное изменение всего.

С этими словами Учитель Аркадий резко и со смачным хрустом сломал в руке карандаш. Честно говоря, на присутствующих это явно произвело должный эффект. Особенно на Иван-оби, который от неожиданности выронил громкое «Ой!». И это только подчеркнуло смысл слов: сразу показалось, что после этого незначительного акта вандализма мир переменялся. Довольный произведенным эффектом, Аркадий продолжал:

– Рождение и исчезновение частиц – суть изменения в поле информации. Тот, кто сумеет покорить информацию – завладеет миром! Только представьте, что еще совсем недавно на наших глазах происходила гонка вооружений. Какой детский лепет! Сейчас в выигрыше останется тот, у кого быстрее разовьется компьютерная техника. И кто сможет управлять через информацию материей.

– Скажите, Учитель, но ведь это все похоже на фантастику! – раздался голос Рыжего. – Нам до этого еще ого-го как далеко! У нас такие низкие мощности компьютеров.

– Знаешь, Антон, а ведь в любой момент может произойти прорыв в технологии, и тогда...

Учитель так посмотрел на потолок, как будто увидел сквозь него парящего в небесах Нострадамуса, который вещал одними губами что-то очень важное, касающееся рывка в компьютерных технологиях. Тут он резко отвел взгляд от потолка. Неизвестно, упал ли в этот момент Нострадамус с небес, но Аркадий точно вернулся к настоящему моменту, поправил очки и повернулся к сидящему ближе всего к нему Марку:

– Марк, раздай вот эти книги всем. А мы пока немного прервемся, а затем разберем домашнюю работу.

В столовой, похожей на небольшой уютный ресторанчик, только что без официантов в углу около окна сидели трое. Обычная картина в обеденный перерыв. Лишь только заговорщицкий блеск в глазах этих троих нарушал привычное течение жизни.

– Что-то мне, ребята, стало не по себе после сегодняшней лекции, – сказал Стим, приканчивая здоровенную порцию риса с грибами – питание в САДу было исключительно вегетарианским и строилось по индивидуальному плану, который составлял врач-аюрведист для каждого ученика. Считалось, что здоровье, из всего физического образа жизни, в первую очередь зависит от питания. «Что толку лечиться, если ты неправильно питаешься?» – любил говорить он. И тут же прибавлял: «А зачем тебе лечиться, если ты питаешься правильно?» В общем, в САДу за здоровьем своих учеников следили, так что практически никто не болел.

– И у меня нехорошее предчувствие, – добавил Граф, который только еще разбирался с первым блюдом. Он никогда и ни в чем не торопился без надобности. Особенно в еде. – Как будто что-то от нас все-таки скрывают.

– Надо же, – продолжал Стим, – как раз актуальней темы для нас нет. Прямо как специально. Может, все-таки правда, что мы тут как слепые кролики, губы раскатали, а попали прямо в самое пекло? Что скажешь, Кубер?

Кубер долго тянул свой любимый напиток – зеленый чай с лимоном, медом и имбирем, который он когда-то вычитал в Интернете на форуме любителей всякой экзотики. Он где-то

раздобыл корень имбиря и носил с собой, чтобы можно было при удобном случае настругать немного в чай. Первое время Кубер охотно предлагал всем свою добавку, но так как все, попробовав один раз, на второй отказывались, он давно перестал это делать.

Пауза провисла над столом, как будто в ливень намокший брезентовый потолок палатки, который вот-вот даст течь. Затем, прожевав кусочек имбиря и бросив в рот щепотку тмина – неизменный атрибут каждого стола, сказал:

– Не хочу вас пугать, но эта вся тема с квантовой механикой, информационным полем...

– Короче, Склифосовский! Не томи уже, а? – Стим чуял, что сейчас болты еще туже затянутся.

– Вы слышали что-нибудь про квантовые компьютеры? Нет? Тогда я сейчас расскажу вам, дети мои, сказку. Обычный компьютер, который для чайников, базируется на комбинации битов – то есть ячеек со значением или ноль, или единица. А ячейки квантового компьютера – субатомные частицы – могут находиться как в одном из двух состояний, например, «up» или «down», так в обоих состояниях одновременно. Так что восьмибитный байт в квантовом компьютере уже может принимать одновременно двести пятьдесят шесть значений.

– Так-так, – Стим нервно забарабанил пальцами по столу.

– Вот вам пример, – продолжил Кубер, – общее кодирование ключа, широко используемое в сети Интернет, создает комбинацию кода, умножая два простых числа вместе. Умножение двух чисел – простейшая и мгновенная операция, но обратная работа по подбору кода к этим двух простым числам чрезвычайно тяжелая и требует уйму времени, а иногда, при сложном ключе, ее просто нереально сделать на современных компьютерах. Для спецслужб, которым порой очень важно взломать те или иные коды защиты, причем за довольно короткое время, решение этой проблемы – одна из важнейших задач. Для подбора сложного кода обычный компьютер может потратить миллионы лет, чтобы обработать все возможные решения и найти единственное – верное. Квантовый компьютер решил бы такую задачу за месяц, потому что он может обрабатывать множество комбинаций решений одновременно. Я просто сплю и вижу себя за штурвалом такого корабля!

Стим застыл, слушая своего друга. Граф также замер с ложкой в руках. Он, вероятно, шел на рекорд по самому медленному принятию пищи. А Кубер, чувствуя себя на высоте, продолжал:

– А еще квантовые компьютеры обладают свойством телепортации – ведь на квантовом уровне информацию можно передавать без проводов. И вы будете смеяться, но такие машины уже строятся аж с две тысячи первого года. Ребята из Массачусетского Технологического Института, знаменитого МИТ, соорудили нечто подобное, но им сразу Министерство обороны США бухнуло несколько миллионов баксов и проект засекретили. Представьте себе все перспективы: и поймете, что Интернет – это детский лепет с его провайдерами, модемами, оптоволоконном и прочей дребеденью. Включил свою малышку – и все внешние устройства мира уже твои! И принтеры, и факсы! Мгновенные скорости передачи данных! А дальше... Короче так, у меня теперь есть мыслишки на счет того, что скрывается в казематах Сиреневого корпуса.

– Слышь, Куб, – Стим как будто стал совсем не весел. – А как же ты собираешься влезть к людям, у которых того и гляди квантовые компьютеры?

– Ну и я ж не чурбан стоеросовый! Лезть будем в обычные. Это раз. А два – это то, что мы будем использовать распределенные ресурсы.

– Это как? – Граф вспомнил о еде и принялся работать ложкой, но рекорд медлительности, видимо, уже был поставлен.

– Это когда мы заставим на нас работать миллионы пользователей в Интернете. Есть у меня одно ноу-хау. Потом расскажу, как работает. Большая задача разбивается на миллион маленьких, и все чайники немного напрягут свои компьютерные мозги, такую малость никто

и не заметит. А нам должно хватить. – Кубер посмотрел на часы. – Ого! Погнались, занятие началось!

«Вот Кубер, вечно что-то такого намудрит! Что хоть стой, хоть падай! Какая бы была спокойная жизнь без него!» – подумал Стим, неохотно вставая из-за стола. И тут же к нему прицепилась мысль совсем из другого лагеря: «Да, жизнь была спокойная, но зато скучная и однообразная! Жизнь труса в маленькой коробочке. Черепной!» Немного удовлетворившись, Стим зашагал значительно бодрее.

«Ctrl Alt Delete» – пальцы Стива одновременно нажали волшебную комбинацию трех клавиш, и он откинулся в кресле, наблюдая, как его компьютер переживает смерть и новое рождение. «Интересно, – подумал Стим, – компьютер каждый раз рождается другим? Помнит ли он свои прошлые жизни? Или, наблюдая свои файлы, объясняет их генами и наследственностью, как это делаем мы». Эта мысль оторвалась от Стива и отправилась в те неведомые нам, обычным людям, дали, в которых обитают все мысли, общаются, ходят друг к другу в гости. И теперь там поселилась и новая мысль, стала жить своей собственной жизнью. Теперь она никогда не признается ни себе, ни другим, что ее породил Стим. Да она сама кого хочешь породить может!

С ней давно никто не спорит: Стим занят совсем другой идеей. Он думал о САДе: так ли уж возможно, что они, ученики, станут скоро совершенно новыми людьми, обладающими новыми качествами. И при этом уже считающимися, что они у них были всегда. Ведь Стому всегда хотелось стать каким-то особенным человеком. Как-то внутренне отличаться от всех других. Чтобы только он нес ту тайну, которая подвластна ему. Быть не таким как все. И вот, наконец, такой шанс ему предоставили. Но, возможно где-то здесь таится обман. Надо сделать все возможное, чтобы раскопать правду, так тщательно запрятанную в стенах странного САДа!

Стим только что проделал все операции, которые ему так старательно расписал Кубер: активировал необходимые программы, он сами все настроили, подобрали пароль – Стим как-то даже не нервничал – и впустили Стива в святая святых – собственные недра. Программа, охраняющая вход в систему, была внешне организована как недремлющее око Саурана на горе Ородруин. Видимо ее создатель питал особенную слабость к произведению Толкиена «Властелин колец». С введением пароля маленький хоббит пробирался к огромному глазу и нырял прямо в него. Стим в этот момент вспомнил чьи-то стихи, обнаруженные им в каком-то чужом компьютере много лет назад.

Словно воин, штурмуя крепость,
В потайной пробираясь лаз,
Смог войти я, какая нелепость!
В затаенный мир твоих глаз.

Стим подумал, что автор и не догадывался, что эти строки могут оказаться уместными не только на любовном фронте! Стим скопировал несколько файлов из папки «Documents» к себе на внешнюю память – так завещал великий Кубер! —и спрятал минидиск в надежное место. После этого Стим запустил «гусеницу» – специальную программу, заматающую все следы, а после саморазрушающуюся. А теперь, уже немного волнуясь, хватит ли времени программе дойти до конца, чтобы никто не засек акт вероломного вторжения, Стим торопливо постукивал пальцами по столу, пытаясь сосредоточить внимание на каких-нибудь неважных вопросах.

«Ах, это загадочное время!» – вздохнул Стим, глядя на стрелки больших белых часов, висящих на сене и размеренно дирижирующих маятником, синхронизируя все временные процессы в близкой части Вселенной. «И кто это такой умный придумал круг времени? И еще догадался разделить его на двенадцать частей? Почему каждый раз их должно быть двенадцать? И почему они все должны быть одинаковые? Ведь в мире все динамично меняется, промежутки времени также могут удлиняться и сокращаться. А мы теперь жестко завязаны на идее двенадцати частей циферблата и от нас ускользает самое главное. Возможно, нам так заморочили голову всем этим, что даже стало некогда поразмыслить над всем этим – все свободное время куда-то попряталось в промежутки между этими равномерными тактами маятника. Тик-так! Тик-так!

«Тук-тук!» – резкий стук в дверь прервал его размышления, растаявшие от испуга в воздухе или спрятавшиеся за «тик-так». Его внутренне время как-то стало резко отличаться от привычного бега секундной стрелки. Все стало немного замедляться. Стим посмотрел на монитор.

96%

Программа все еще сканировала файлы и удаляла следы своего недавнего вторжения. «Тук-тук!» – раздался еще более громкий и настойчивый стук в дверь, никак не вписывающийся в тихую по домашнему спокойную и приятную симфонию тиканья настенных часов.

Успею или нет? Если нет, то тогда мне конец! Не только выкинут навсегда из САДа, но и вообще, могут все что угодно сделать! Ведь еще не было прецедентов, чтобы кто-то был отчислен. Да еще за нарушение такого порядка! И никто не знает, что будет дальше! А что, если мне припишут нечто, вроде измены Родины? За попытку прочесть информацию, составляющую государственную тайну?

96%

– Кто там? – Стим спросил намеренно сонным голосом, изображая, что он только что проснулся. Он очень четко мыслил, а также ловил малейшие звуки и движения. Как будто мозг его стал работать в несколько раз быстрее. Какое-то странное состояние!

Монитор отразил изменение одной единственной цифры, но этого было достаточно, чтобы придать Стому хоть каплю надежды. Все—таки хоть что-то происходит!

97%

– Служба безопасности. Мстислав Левин? – строгий голос еле сдерживался на нотках вежливости. Голос казался Стому несколько растянутым, как и все вокруг. «Неужели это страх заставляет так все воспринимать по-другому?» – подумал он.

97%

– Да четыре утра уже! Вам что, не спится? – Стим не знал, как еще потянуть время. У самого при этом все поджилки плясали лезгинку от страха. «Как бы еще не потерять сознание от страха!» – подумал Стим и усмехнулся про себя. Ему так и представилось, как он замирает, сделал полдвижения, и падает на пол. Дверь взламывают, а он валяется на полу как последний пьяница! В этот момент монитор спасительно моргнул.

98%

– Мстислав, в случае промедления или отказа впустить нас в комнату, мы имеем полномочия применить силовые методы. Не советую препираться, шутить с нами и тянуть время. Это все может потом выглядеть как сопротивление и учинение препятствий. – Тучи за дверью, разделяющий два мира – добрый и злой – сгустились. «Ой, как же долго он говорил! Молодец!» – подумал Стим.

99%

– Иду, иду, что вы! Все в порядке! – Стим, стараясь наделать как можно больше шума, зашаркал к двери. Он несколько раз щелкнул замком вхолостую, отчаянно дожидаясь появления на экране заветного числа. И, наконец, оно появилось.

100%

Экран тут же очистился под звук открывающейся двери. На пороге стояло трое: два сотрудника безопасности в форме и еще мужчина средних лет в сером костюме, который первым вошел в комнату и направился прямо к включенному компьютеру Стива. Охранники вошли и остались стоять у двери, видимо согласно своим инструкциям перекрывая путь к отступлению. Они внимательно сверху вниз рассматривали Стива, изображавшего всеми силами дремоту на лице. Но его актерский талант явно остался не у дел.

– Мстислав, – начал один из них, тот, который уже гремел своими жерновами за дверью, – на один из компьютеров, вверенный нам как объект охраны, была произведена попытка несанкционированного проникновения. И сделано это было по многим линиям одновременно. Но основной канал перекачки данных указывает именно на твой компьютер. И наш специалист проверит сейчас твой компьютер на предмет причастности тебя к этому преступлению.

Последнее слово было произнесено намеренно растянуто, чтобы дать Стиву возможность насладиться вероятными перспективами. «Господи! Только бы Кубер – этот гений среди одобрений – не подвел! Ой! Не надо о нем так. Он не подкачает!» – подумал Стив.

– Да, я подключен к сети, как к локальной, так и к Интернет, – начал говорить Стив настолько спокойно, насколько мог. – Но ведь кто-то другой мог использовать мой компьютер без моего ведома и вломиться к вам.

– Все так говорят, – продолжал буравить его глазами и словами здоровяк в форме сотрудника безопасности. – Наш специалист – Кирилл Афанасьевич как раз тем и занимается, чтобы найти доказательства причастности тебя к этому преступлению.

– Значит так, – заговорил без лишних вступлений сидящий за компьютером специалист, обращаясь к своим – Стива он пока совершенно игнорировал. – Сергей! Тут явно заметали следы, видимо «гусеница» поработала. Так что я был как всегда прав, притащив вас именно сюда. А если это именно так, то нет ничего проще, чем отыскать следы «гусеницы». Правда, молодежь об этом не знает.

С этими словами Кирилл Афанасьевич быстро, как дротик, метнул взгляд на Стива, чем поразил его мгновенно в самое сердце. «Но ведь Кубер сказал...» – Стив замер на полмысли. У него отнялся язык, перехватило дыхание и похолодело внутри. «Так! Не сдаваться до последнего! Ни за что!» Он стал внимательно слушать тиканье часов, чтобы дыхание не сбилось, и пульс остался в норме. Короткий вздох. Длинный выдох. Задержка. Так его учили контролировать свое сознание на занятиях.

– Вот некоторые думают, что «гусеница» не оставляет следов, – Серый танк, сидящий за компьютером и щелкающий по клавиатуре со скоростью машинистки, сдающей экзамен Гестапо, медленно нацелил свое дуло прямо на Стива, предчувствуя торжество скорой победы. – Так и есть, если не помнить про DOS.

Кирилл Афанасьевич завершил прицеливание своими прищуренными глазками, скорее похожими на безжизненные зрачки динозавра, нежели на человеческий орган зрения. Вот кто явно подходит на роль детектора лжи. Глядя на его страшные прищуренные глазки и медленный поворот головы, кажется, что ты – загипнотизированная добыча, парализованная страхом, которая покорно ожидает своей смерти от зубов первобытного ящера.

«Вот он и долбит по клавиатуре – это же просто непосредственный набор команд в командной строке. Ах, Кубер, Кубер! Что-то мне кажется, что ты облажался. И я с тобой тоже!» – вот уже все тело Стива корчило в объятиях радостного Ужаса, нашедшего себе нового пациента.

– Ничего, ничего, не расстраивайтесь, – успокоил серый ящер, как бы приговаривая слова из известного старого фильма: «Я тебя не больно зарежу, только „чик“ и все!»

Ужас продолжал закручивать свои огромные тиски. Стим закрыл глаза и, спасаясь, обратился в слух. Он сосредоточил все свое внимание на тикании часов. Тик-так, тик-так. Вдох – задержка – длинный выдох. Тик-так, тик-так. Вдох— длинный выдох— задержка.

И тут что-то случилось. Все стало замедляться, словно резинка, растянутая до предела, и, наконец, замерло. Но при этом все равно продолжало двигаться. По комнате разлился необычайный аромат, охвативший все существо Стива. Такого запаха ему еще никогда не приходилось ощущать! Его невозможно ни с чем сравнить, никак описать! Воздух стал необъяснимо сладким, он проник в каждую клетку юного организма.

Стим заметил, что он как будто раздвоился. Но как-то очень странно: он стал все наблюдать со всех точек зрения сразу. Он как будто выскочил из привычного мира со своими тремя измерениями и попал во что-то иное, в какой-то более совершенный мир, в котором все происходит совсем не так, как мы привыкли воспринимать. Наш мир оказывается полностью включенным в него, но кроме него, есть еще нечто, неподдающееся никакому объяснению. Но именно оно и дает возможность воспринимать все одновременно, находиться и внутри и снаружи, быть самим собой и в то же время быть всем окружающим.

Стим расслабился, ему нечего было бояться! Разве что-то может быть здесь опасным? Особенно, когда кроме тебя тут никого нет, только ты сам, размазанный по времени и пространству, святящийся ярким светом, который просто есть

Стим посмотрел на компьютер, который только что вселял в него ужас, и почувствовал биение его сердца. Микропроцессор с огромной тактовой частотой выстукивал периодический пульс. Стим не удивился, когда понял, что он очень медленный. Гораздо медленнее, чем был когда-то у него самого. А еще Стим увидел, или почувствовал, как по магистралям перемещаются данные, как они изменяют регистры и стоки памяти компьютера, как две единички, соединяясь, образуют нолик, а два нолика – единичку. Ему это показалось так примитивно: такая детская игра, нолики, палочки. Это просто такой карточный домик, который еле держится на самой простой логике, стоит только моргнуть глазом, как он рассыпится.

Не прошло и мгновения, как все оборвалось. Но за этот настолько же маленький промежуток времени, насколько и большой, все успело измениться. Стим не знал что именно, но знал, что все теперь не так как раньше.

– Что за черт! – Кирилл Афанасьевич подпрыгнул на месте. – Это что? Перебой в питании? Я такого много лет уже не видел! Сергей, это что – свет моргнул? Почему компьютер перезапускается?

– Да нет, вроде ничего не моргало, – ответил Сергей, выпучив глаза. Нет ничего забавнее, чем вид растерянного громила. Особенно когда он вдруг понимает, что нет никакого толка от всей его накаченной мускулатуры и многолетней спецподготовки.

– Что-то тут не то! Система так быстро перезагрузилась! – Кирилл Афанасьевич потер затылок как первоклассник, вспоминая таблицу умножения. – Ну, так и чуял – все слетело к чертям собачьим! Девственно чистый жесткий диск! Первый раз такое вижу!

– И что? – недоуменно спросил Сергей.

– А ничего! Уходим отсюда, – Кирилл Афанасьевич резко встал, бросив ошалелый взгляд на Стива, и первым вышел из комнаты.

– Н-да! – сказал сакраментальную фразу молчавший все это время второй охранник и удалился вслед за серым драконом, который, скорее всего, вовсю уже метал в коридоре языки пламени, желая выместить свою злобу.

– Тебе сегодня повезло, приятель! Но знай, ты теперь под контролем! И машина твоя – тоже. Так что даже не пытайся теперь подключаться к чему не следует. Понял? – Сергей под молчаливый утвердительный кивок Стива также покинул комнату.

«Так! Сейчас ни о чем не думать!» – приказал себе Стим. Ему казалось, что вот сейчас только что он прожил невообразимо долгую жизнь, которая тянулась многие годы. А может

быть, даже прошли века, сменились поколения. А он как стоял, так и продолжает стоять на месте. Нисколько не понимая, что вот только что произошло. Где он был и куда вернулся? Может его забрали инопланетяне и, вернув на место, подменили планету на вот такой же муляж? А может быть, что-то сгорело у него в голове, и он сошел с ума? И в воспаленном воображении нарисовалась непонимаемая картинка? Рассказать о ней – и сразу затолкают в психушку. Или это на него снизошла Благодать? Запах-то был! Или нет?

Он посмотрел за окно на пробуждающееся ото сна небо. «Срочно спать» – дал он себе внутреннюю установку. Тело послушно согласилось и поспешило выполнить команду, видимо, испугавшись того, что рискует не сомкнуть больше глаз. Никогда.

D:/Выход.cad

Эль оказалась в ситуации, очень похожей по ее представлению на то, когда люди описывают клиническую смерть и выход из своего тела. Только она вылетела и увидела замершее пространство. Это было непередаваемо жутко! Это как смерть в смерти! Смерть в квадрате. Она видела не только все, да еще и все со всех сторон одновременно. И внутри тоже. Стало понятно, что внутри все абсолютно пустое. Вот где был кошмар: ее тело совершенно пустое, там нет абсолютно ничего! Эль с огромным облегчением потеряла бы сейчас сознание, но она не могла этого сделать – видимо, она и была сейчас тем самым чистым сознанием. Его потерять может только тело. А у Эль не было тела.

Неожиданно все вернулось на свои места. Она вновь оказалась в своем теле, волны привычно зашпешили по делам, появился запах, чувство дуновения ветра. Как это все может быть и не быть одновременно? Она же точно знала – и в этом не было никаких сомнений, что этого на самом деле ничего нет!

Она остановилась на месте и замерла, пытаясь понять происходящее. Кто же сможет ответить на все ее вопросы? Она не знала, что ей делать и закричала опять в окружающее пространство:

– Это что еще за шутки? Эй, вы! Слышите?

На этот раз ничего не произошло. Все осталось на своих местах. Единственное, что-то появилось в небе. Какое-то пятно. Очень странное. Эль стала его пристально разглядывать. Какое-то время ей ничего не удавалось понять, а потом вдруг пятно стало расти. К огромному удивлению Эль пятно превратилось в строчку из букв. Прямо на голубом небе, белыми буквами, гарнитурой Times – Эль откуда-то это хорошо знала – появилась надпись:

«Привет».

– Здравсьте, – ответила изумленная Эль, озираясь по сторонам, ожидая увидеть шутника, который примостился сзади и играет с каким-нибудь проекционным аппаратом. Но там никого не было.

Эль посмотрела в небо и увидела, что буквы мгновенно исчезли разом. Она уж было подумала, что это ей показалось, но вот появился курсор, который мигал как на обычном мониторе и стал двигаться. После него на небе появлялись четкие белые буквы.

«Простите за такой невежливый шаг, но нет времени настраивать звук».

Вторая надпись не оставляла сомнений в реальности происходящего. Если это все было реальностью. А если нет, то тогда чем же?

– Кто вы? Мистер, пишущий буквы на небе, – спросила Эль растерянно.

«Я ваш врач» – на небе появилась новая строчка. Старая осталась чуть выше.

– Врач? – Эль в удивлении скривила рот в полуулыбке, наподобие Бенни Хилла.

«Да, миссис» – последовал ответ.

Удивление – это процесс бесконечный. Когда уже кажется, что удивляться больше нечему, как сразу, мгновенно находится что-то, что еще больше удивляет.

– Миссис – это я? Так сколько мне лет?

«Я считаю, что в данной ситуации лучше всего сразу говорить чистую правду. Вы согласны со мной?» – буквы на небе казались маленькими облачками странной формы. Этакой замысловатой рябью. Особенно если прищурить глаза.

– Да, конечно, имеет смысл всегда говорить только правду. А иначе зачем тогда все?

«На счет вашего возраста у меня нет точной информации. Вам может быть и тридцать и пятьдесят лет. Вы сейчас находитесь в больнице Санта Моника в Калифорнии. И вы в коме. Так что вернуть вас обратно не представляется возможным».

Так вот как! Не может быть! Это все не имеет к ней отношения. Ей же двадцать лет, не больше, она молода и красива! Как же это? Ей не может быть пятьдесят! Эль несколько раз перечитала белый текст, неподвижно висящий перед ней, пытаясь каждый раз все глубже проникнуть в смысл написанного.

– Не может быть!

«К сожалению, это так», – появилась приписка. Ответ на последнее восклицание Эль.

– А где я? Что это такое? И почему спереди и сзади одинаковое море?

«Вы находитесь в специально созданном для Вас виртуальном пространстве. Море вы видите практически настоящее – оно снимается специальной камерой, установленной рядом с маяком на мысе, выдающимся в море. Угол съемки камеры – чуть больше 180 градусов, так что море просто зеркально отразили, чтобы хоть немного разгрузить систему. И так все, что перед вами – революция в области компьютерного моделирования. Наши последние достижения!»

– А как же запахи, ощущения? – Эль никак не могла поверить, что перед ней просто огромный стереомонитор.

«Мы научились их оцифровывать и передавать так же, как и видеосигнал. Уверяю, что это значительно проще, и не требует стольких аппаратных ресурсов».

– А мои мысли, чувства, переживания? Это что – тоже поток цифр? – Она не могла до конца поверить в реальность происходящего в этом сумасшедшем нереальном мире.

«В принципе, так и есть. Дело в том, что ваше тело еще живет, но сознание совершенно оторвано от него и замкнуто в виртуальном пространстве, смоделированном на компьютере. Мы сейчас находимся как раз в заключительной стадии этого великого эксперимента».

Эль уже смирилась с тем, что она разговаривает с небесами. Ей это перестало казаться странным. Подумаешь! Буквы на небе! Ну и что! Вы что, не видели что ли? Да обычное дело, только стоит спросить, как ответ тут же пропечатывается на небе. Проблемой для Эль было понять смысл сообщаемой информации. Вот где проблема! Сначала нужно представить непредставимое, а потом поверить в самое невероятное! Нет, это невозможно! К счастью, все можно теперь спросить, и сразу получишь ответ!

– О каком проекте вы говорите? Что это такое? – Эль ожидала появления на небе белокрылого ответа.

«Извините, миссис Эль. Мне необходимо прерваться. Срочное дело! Я свяжусь с вами позже, и мы обо всем поговорим», – Буквы прожили на небе недолгую жизнь, растаяв примерно через минуту.

– Черт! Черт! Черт! – Эль смотрела в то место, где только что появлялись ответы на все ее вопросы, а теперь тонула чистая голубая пустота. – Вот так всегда!

Постояв некоторое время, Эль поняла, что ждать больше нечего и стала принялась вышагивать строевым шагом взад-вперед по своему балкону. Все вокруг было похоже на разломанную огромную мозаику, рассыпанную на тысячи частей, перемешанных в неразберимый ком.

Итак, она – это не она! А кто же тогда? Непонятно! Если она не знает, значит, не имеет доступа к собственной памяти. Или просто поврежден мозг. Что из этого верно – неясно. Второе: необходимо понять, где она. Внутри компьютера? Что за ерунда! Вздор! Ей показывают картинки, а она, дуручка, воспринимает все за чистую монету! Так, значит, картинки? Все вокруг – обман? Как это можно проверить? Особенно, если в это невозможно поверить. Нужно, обязательно нужно придумать какой-нибудь способ.

Эль замерла у деревянного парапета и устремила свой взор вдаль – туда, где в далеком-далеком мире, остался настоящий край Земли. Где солнце, опускаясь за него, начало медленно таять, словно огромный кусок красного сахара, касающийся горячего голубого чая, налитого в бесконечное блюдце.

«Главное- это не падать духом! Выход всегда есть, и он всегда рядом!» – из неведомых глубин памяти всплыли эти утверждения. Скорее всего, они были главными жизненными принципами той, кем она была когда-то, может быть, в прошлой жизни Эль. И тут ее, ласково обняв за плечи, посетила нечаянная радость. «Я же не могу тут умереть! Меня тут и нет вовсе! Или этого „тут“ нет вокруг меня. Какая разница? Значит можно...» Эль даже немного испугалась закончить мысль, как будто, если она ее честно для себя сумеет сформулировать, то та сразу станет ложью, обратится в ничто и исчезнет навсегда, как ее прежняя личность.

«Ну, я вам всем покажу эксперимент!» Эль решительно перелезла через парапет и, не задержавшись не на мгновение, что было сил оттолкнулась от самого края, полетела вниз к поблескивающей в лучах садящегося солнца поверхности моря.

Ее охватило острое чувство страха, сконцентрированное до такой степени, что он стал зашкаливать и, наконец, перевалилось вслед за ней через край и превратилась в сплошной экстаз – чувство безграничной свободы, возникающее, когда уже нечего терять. Когда уже сама жизнь перестает представлять какую-то ценность, словно она превратилась в дорогой билет на уже прошедший спектакль.

Эль летела сначала вниз, словно спортсмен, прыгнувший с мостика, а потом, неожиданно для самой себя, заскользила вдоль поверхности волн. И это было как бы само собой разумеющееся! Как только где-то внутри нее сложился кубик Рубика понимания того, что все вокруг – суть простые биты информации, преобразованные по своим сложным законам в красивые образы, но при этом абсолютно не настоящие, то уже и сама способность летать перестала казаться чем-то сверхъестественным.

В отблесках уменьшающегося солнца море, пронсящееся стремительно под ней, казалось серо-бирюзовой кожей необозримо огромного существа. Из-за высокой скорости немного все сливалось, но все равно, создавалось ощущение, что под этой дышащей тонкой пленкой скрывается неведомая живая плоть. Там, где солнце отражалось в воде, эта чешуя приобретала ослепительно белый цвет, а вдали он превращался в иссиня черный, где-то переходя все промежуточные цветовые гаммы.

«До чего же все реально. И в то же время нет!» – удивлялась Эль, переворачиваясь на спину и вытягивая руки. Как будто так она могла набрать еще большую скорость! Эль ощущала неравномерные порывы сильного ветра, видимо, запрограммированного эффекта, сопровождаемого любое движение тел в этом мире. Тело Эль немного колыхалось в такт ветру, словно флажок, высоко вознесенный на тонком древке.

И тут внутри нее включился какой-то дополнительный тумблер. Так бывает, когда на спортивных машинах педаль газа уже утоплена до конца и достигает кнопки «Турбо». Какие-то неизвестные Эль резервы открылись и голова Эль стала работать кристально ясно, четко и быстро. Она неожиданно поняла и одновременно прочувствовала неразрывность ее самой сущности и окружающего ее мира. Причем вкупе с полной взаимозависимостью и взаимоправляемостью.

Она повернулась снова лицом вниз, к воде, и махнула руками снизу вверх. Горизонт, поглощаемый яркий солнечный диск, и все время убегающий от нее вдаль, стал подниматься все выше и выше. Эль резко остановилась и приняла вертикальное положение.

Она элегантно скрестила ноги, словно повинуюсь ритму неведомого танца, сложила вытянутые руки в ладонях и медленно развела их в разные стороны.

Горизонт медленно продолжал подниматься, образуя вполне охватываемое одним взглядом кольцо вверху над головой, в пределах которого прошмыгивали белые облака и светило уже полное солнце, извергнутое неведомым морским чудищем – обладателем голубой стальной чешуи. Эль подумала, что она находится в центре гигантского бокала, стоящей на чьем-то пляжном столике под ярким гавайским солнцем.

Она засмеялась и провела одной рукой перед собой. Как проводит мим перед лицом, когда меняет выражение лица с грустного на веселое. Тут же море окрасилось в глубокий бордовый цвет красного виноградного вина. И даже ветер стал отдавать каким-то полусладким привкусом. Где-то около стенки этого импровизированного бокала затерялся ее островок с игрушечным домиком, бывшем совсем недавно жильем.

Эль выпрямила горизонт. Она сначала стал опять плоским, а потом стал закругляться в другую сторону, постепенно превратившись в небольшой шарик. Островок Эль решила немного увеличить. Она прибавила к нему достаточно большой пляж, утопающий с одной стороны в тени пальм.

– Вот это да! – засмеялась Эль, – нет предела для фантазии! Сказка! Твори, что хочешь!

Эль показалось, что одного солнца явно недостаточно. Она сделала множество светил, разных размеров и цветов, а еще заставила некоторые из них мигать и переливаться разными цветами.

– А теперь – дискотека! – Эль закружилась в танце, напевая сама себе ритмичный мотив. Светила, как светомузыка, подмигивали ей всеми возможными цветами. «А интересно, какого цвета теперь будет загар?» – подумала Эль и улыбнулась собственной забаве. Она посмотрела на небольшой островок на маленькой планете, которая у нее получилась и ей показалось, что вот на такой же планете, жил когда-то маленький принц! И дружил со своей розой, которую он приручил.

От этой мысли ей стало мучительно грустно. Что толку сидеть, запертой в золотой клетке совершенно одной! Где единственным собеседником являются бегущие по небу строчки. Да и то, когда они сами соизволят. А может, она просто сошла с ума? Ну и что с того? От этого не становится легче. Хотя разве так сходят с ума? Скорее уж ее незримый собеседник прав: она заперта в собственном мозгу как килька в консервной банке. Да еще в привязанном к нему чем-то – уж наверняка не ее – компьютере!

Так чего они от нее хотят? Спасти ей жизнь? На черта ей все это нужно в этом забытым самим богом месте? Что толку носиться здесь словно приведение, не имея возможности даже покончить с собой! А это в состоянии сделать любой человек! Это его законное право! Его нельзя забрать. Нельзя!

Вот тут ей по-настоящему стало плохо. Эль со всей непостижимостью поняла, что она обречена на ВЕЧНУЮ жизнь!

– Нет! – закричала она. Все солнца, как яркие светящиеся воздушные шарик, лопались одно за другим, словно в них стрелял из засады притаившийся снайпер. Когда погасло последнее солнце, все потонуло в крошечной мгле. И только эхо от ее крика «нет» продолжало медленно умирать вслед за исчезнувшим светом.

Вскоре и оно затихло...

– Черт возьми! Ну, что такого срочного могло случиться? – Хортон был вне себя от злости. Он терпеть не мог, когда его отрывали от дел, тем более в такой важный момент как этот! Она, наконец, осознала себя, перестала вечно стоять на балконе и смотреть на море. Теперь стало возможным наладить с ней контакт. Изучить, провести серию тестов. И уж потом делать какие-то конкретные выводы и принимать решения. Вот где-где, а тут спешка может только повредить. Да еще так, что мало не покажется. Никому!

И его смеют отрывать от таких важных дел! Да более важных дел, чем у него сейчас ни у кого и быть не может!

– Ну, кто там такой важный пришел! – Хортон быстро шел по коридору, вдавливая пол что было силы. Его чеканные шаги гулко отдавались эхом по длинному коридору, соединяю-

щему многочисленные лаборатории и кабинеты в огромном здании исследовательского института. Уж кто-то, а Хортон умел быстро ходить! Редко кому удавалось угнаться за спешащим Хортоном, не переходя на бег!

Недовольный ученый резко открыл дверь, ведущую в переговорную. В ней его уже дожидались несколько человек. Он, обычно такой внимательный, даже не смог бы сразу сказать: трое их было или четверо, поскольку у Хортон отнялось все, что только могло, а мыслительная машина резко затормозила. Дело в том, что все его гости как один были одеты в военную форму. Этого Хортон боялся больше всего, поскольку где-то внутри уже ожидал, но просто не мог себе в этом признаться.

– Профессор Оливер Хортон? – спросил самый представительный из них человек, судя по всему, старший по званию. Он был уже в годах – глубокие морщины намертво въелись в его абсолютно квадратное лицо. Глядя на него, казалось, что его обладатель каждый вечер аккуратно снимает с него кожу, стирает ее, а утром одевает снова. И от этих многочисленных процедур кожа сильно поизносилась. Взгляд его напряженных глаз был весьма неприятен и суров. Он скорее мог бы подойти опытному психотерапевту, чем военному человеку. Военный встал, протянул утвердительно кивнувшему Хортону руку и представился:

– Генерал Карти, министерство обороны США, руководитель специальных проектов.

Хортон в ответ протянул свою безжизненную кисть.

– У нас к вам очень важный разговор, мистер Хортон. Давайте мы проведем его в конфиденциальной обстановке. Вы доверяете этому помещению? – генерал вопросительно покопился на торчащий из угла комнаты окуляр видеокамеры.

– Пройдемте за мной. – Хортон встал, достал из кармана карточку и подошел к закрытой двери, ведущей в соседнее помещение. Он механически провел карточкой сверху вниз в специальной прорези, сработал замок.

– Пожалуйста, сюда. Это специальная переговорная для особенных случаев. Сегодня, как я понимаю, как раз такой. – Хортон пропустил вперед себя всех военных, которые разом стали и четко друг за другом, не делая лишних движений, прошли мимо него.

В соседнем помещении из мебели находился только стол со стульями. Это был огромный овальный стол, за который могли усесться как минимум человек тридцать. Одну из стен занимал дремавший экран, под которым находилась какая-то офисная техника. Все приглашенные уселись с одной длинной стороны стола. Генерал Карти, садившийся последним, с видом хозяина пригласил присесть Хортон.

– Слушаю вас, здесь можно говорить, – сказал Хортон, присаживаясь напротив них. Он обратился в напряженную статую, стараясь отрешиться от ситуации, представляя, что все это происходит не с ним. Он просто пришел посмотреть увлекательный фильм про несчастного ученого, на хвост которому наступило министерство обороны. А он тут как бы и не при чем.

– Профессор Хортон! – начал генерал Карти, – мы очень ценим вас как ученого и давно наблюдаем за вашими работами. Особенно за теми, которые касаются «Проекта L». И по нашим последним данным, а вы удивитесь, узнав, насколько они оперативны, ваши исследования вышли за допустимые гражданские рамки. И правительство США в нашем лице обеспокоено тем, что открывающиеся перспективы представляют угрозу национальной безопасности. Вы со мной согласны?

Генерал отлично знал, в каком месте нужно сделать паузу.

– Вам виднее, – понуро ответил Хортон. Видимо, все-таки пересесть со сцены в зрительный зал ему никак не удавалось.

– Я согласен с вашим утверждением, – глаз генерала недобро блеснул, и лицо изобразило кривую усмешку. – Поэтому мы сегодня имеем честь с вами разговаривать.

– Но я подчиняюсь господину Такинаки. Вам, вероятно, необходимо с ним вести переговоры. – Хортон сделал попытку выйти из игры, хотя прекрасно знал, что ему это уже не удастся.

– Понимаете, мистер Хортон, – генерал Карти говорил спокойно, уверенно и очень четко – военная привычка, выработанная за много лет, – вас теперь не должен беспокоить мистер Такинаки. Я понимаю, что все здесь принадлежит ему, и он имел определенные виды на результаты вашей работы. Но, еще раз повторяю, с этого момента вас должна беспокоить только безопасность нашей страны.

«Этот генерал может с успехом выполнять функцию вышибалы долгов в мафиозном клане, вот почему его прислали сюда!» – подумал про себя Хортон. Он мог по достоинству оценить убедительность, с которой Карти буравил глазами собеседника, не оставляя ему никакого шанса на свою точку зрения. В этом с ним мог соперничать разве питон, гипнотизирующий свою жертву. Хортон хорошо понимал, что не договаривал генерал. Он так обособил слово «безопасность», что не оставалось сомнений чья именно безопасность имеется в виду в первую очередь.

– Что я должен делать? – спросил Хортон голосом раскрытого и взятого в плен шпиона, которого только что под страхом смерти перевербовали и заставили работать против людей, кому он клялся в верности.

– Не волнуйтесь, мистер Хортон! Для вас практически ничего не изменится. Вы будете заниматься тем же, чем и занимались раньше. Только вы с этого момента будете подчиняться лично мне. И у вас появятся новые помощники и заместители, знакомьтесь: полковник Бэксон возьмет в свои руки вопросы охраны и безопасности, полковник Мерфингер будет курировать отдел секретности и конфиденциальности разработок. А лейтенант Лэпп будет вам союзником в технической области. Он лучше всех у нас разбирается в вопросах программирования.

По мере представления своих коллег, они немного привставали и делали намек на кивок головы. Причем каждый делал это также как и все, совершенно одинаково. «Вот их армия муштрует! Они, наверное, и в туалет ходят на раз-два-три!» – подумал Хортон.

– Все ясно? – тоном, не терпящим возражений, спросил генерал Карти.

– Да, сэр! – Хортон. Никогда не бывший в армии и не проходивший военной подготовки, без запинки выпалил ответ, как будто солдат, отдающий честь, прищелкивающий каблуками начищенных сапог и выкрикивающий: «Так точно!» Что с ним происходит? Неужели его так легко можно превратить в послушного робота? Да что они все стоят без него? Да и вообще, что такого страшного произошло? Никто ему пока не угрожает, никто не устраняет от работы. А какая разница на кого работать: на финансового магната или на министерство обороны. И те, и другие хотят использовать результаты исследований сугубо в своих корыстных целях. И всегда эти цели будут противоречить интересам большинства. Так что, какая разница как погибнуть: под гусеницами танка или под финансовым катком? Все равно надо искать запасной вариант. На этот счет у Хортон была одна идея, о которой он никому не говорил, и за которую держался как за спасительную соломинку. И хоть она была очень тонка, эта соломинка, Хортон немного успокоился и повторил:

– Да, сэр. Все ясно. И, честно говоря, стало немного спокойнее. Все-таки такие технологии! Не хотелось бы, чтобы они контролировались частными лицами с сомнительными намерениями. Я ничего не имею против господина Такинаки, но ведь вы понимаете: в финансовом мире все продается и покупается. Вопрос только в сумме денег. И может оказаться, что новый хозяин захочет неправильно распорядиться всем этим.

Хортон хотел было добавить про уроки, которые преподнесли нам ученые, разработавшие ядерное оружие и последствия, которых мы до сих пор расхлебываем. Но подумал, что пример неподходящий для данной ситуации: все-таки именно американское правительство первым начало неадекватно использовать энергию мирного атома. И он промолчал.

– Я понимаю вас, мистер Хортон, – генерал Карти снизил мощност гипнотического воздействия и немного расслабился. – Я рад, что у нас начали складываться такие доверитель-

ные отношения. Кстати, как вы думаете, где-то еще кто-то мог добиться аналогичных результатов? – Одна бровь генерала вопросительно поднялась.

– Мне об этом ничего не известно, – ответил Хортон. Он чувствовал себя уже уверенней и говорил ровным, спокойным голосом. – Но я уверен, что если бы кто-то смог сделать что-то подобное, то это сразу стало бы достоянием общественности. Если бы мы на руках имели достоверные результаты стопроцентного переноса сознания на информационный носитель, то сразу бы сделали заявление. Это же наш престиж! И мистер Такинаки не жалел на это денег. Бюджет нашего проекта был поистине неограниченным.

– Ну, мистер Хортон, теперь ваш бюджет будет вдвое неограниченной! – Генерал улыбнулся одними уголками губ. Сидящие с ним военные представители продолжали сохранять абсолютно отстраненное выражение лиц. – Мистера Такинаки заботила не репутация, а исключительно размер дохода. Вы знаете, за какую сумму он предлагал клиентам бессмертие в виртуальном мире?

– Примерно догадываюсь, – Хортон опустил глаза.

– Все его затраты могли бы мгновенно окупиться, в случае положительных результатов вашей работы, – продолжал генерал Карти. – А они, можно сказать, практически получены.

– Я бы все-таки не торопился с выводами, – ответил Хортон. – Но на всякий случай, вопросы безопасности решал бы исходя из положительных результатов.

– Рад был познакомиться с вами, – генерал встал, показывая конец беседы. Вместе с ним поднялись остальные военные. Обращаясь к ним, генерал сказал:

– Вы проинструктированы на счет дальнейших действий. Приступайте.

Хортон взглядом проводил гостей. Ему самому не хотелось никуда идти. Ноги словно стали ногами космонавта на Юпитере, где притяжение во много раз превосходит земное. Он руками растер глаза, затем все лицо. После этой нехитрой операции стало немного легче.

Как он влип! Теперь уж точно никуда не денешься! И есть только один путь – довести работу до конца. И вот тогда...

– Мистер Хортон! – раздался голос в дверях. Это был голос его помощника Ричарда. Тот как всегда откуда-то выныривал в самый неподходящий момент.

– Не сейчас, Ричард! Не сейчас! – Хортону уже было не так важно, что там произошло в системе, пока его не было. Он просто хотел немного побыть один. Имеет он право на это или нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.